

Размышляя над прочитанным

В.А. СОКОЛОВ*

АМЕРИКА В СУДЬБЕ СЕМЬИ АНДРЕЯ ГРОМЫКО

К 100-летию со дня рождения А.А. Громыко

Быть может, несколько неожиданно широкая общественность в России и за рубежом обнаружила, что в сложной и не поддающейся однозначной оценке истории отечественной дипломатии есть личность планетарного масштаба, интерес к которой будет только нарастать. Более полувека Андрей Андреевич Громыко, выходец из белорусской глубинки, дипломат ещё сталинской школы, ставший министром иностранных дел великой державы, был сопричастен развитию советско-американских отношений.

Это была не только карьера, но и судьба семьи человека, ставшего дипломатом, по его собственным словам, «в силу стечения обстоятельств». Дорогу в Америку прокладывал ещё отец Андрея Андреевича, добросовестный труженик, до революции безуспешно пытавшийся что-то заработать там для своей родни. Сын оказался более удачлив, он стал доктором экономических наук и выдающимся дипломатом.

Абсолютно логичным представляется, что «американскую линию» этой династии продолжил сын министра Анатолий Андреевич Громыко, дипломат и учёный, член-корреспондент Академии наук, в разные годы живший и работавший в Соединённых Штатах, в 1968–1973 гг. руководивший сектором в Институте США и Канады АН СССР. Продолжает традиции семьи и внук министра Алексей Громыко, заместитель директора Института Европы РАН, специалист по истории англо-американских отношений. Теперь о судьбе А.А. Громыко мы можем узнать благодаря выпущенным в этом году двум очень содержательным книгам, посвящённым его 100-летнему юбилею¹.

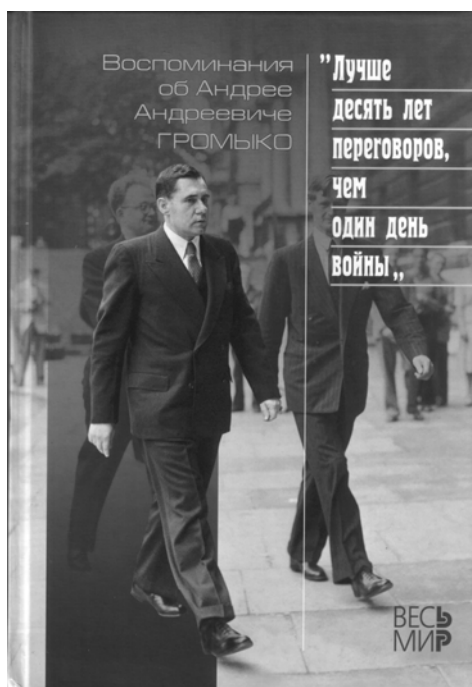
Слова А.А. Громыко «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны», вынесенные в заголовок одной из книг, показались мне особенно значимыми и знакомыми. Слушая впервые его выступление на XXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке в 1968 г. – трудном году, запомнившимся небезызвестной в истории «Пражской весной», – я впервые почувствовал волевые качества лидера советской дипломатии. В самом начале своего выступления он достаточно жёстко, но корректно напомнил политикам, кото-

* СОКОЛОВ Владимир Алексеевич – кандидат исторических наук. Copyright © 2009.

¹ I. «Лучше десять дней переговоров, чем один день войны». Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко. Предисл.: С.В. Лавров. Сост. Ал.А. Громыко. М., «Весь Мир», 2009, 320 с., илл.

II. Громыко Анатолий. Андрей Громыко. Полёт его стрелы. Воспоминания и размышления сына. М., «Научная книга», 2009, 456 с., илл.

рые пытаются вокруг событий в Чехословакии создать накал страстей, что они забывают о настоящих и, тем более, долговременных интересах собственных государств. Звучало это без угроз, но весомо и убедительно. Завершая своё выступление и отвечая критикам, Громыко именно тогда произнёс свою,

ставшую знаковой для его ораторского стиля фразу: «Лучше спорить 10 или даже 50 лет за столом переговоров, чем иметь один день, один час ракетно-ядерного конфликта»².

В книге «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны» собраны воспоминания известных отечественных политиков и учёных, не только соприкасавшихся по роду своей работы с Громыко, но до сих пор хранящих его мудрые наставления и советы. Среди авторов воспоминаний много известных дипломатов как прошлых лет, так и поныне действующих.

«Все мы, относящиеся к старшему поколению российских дипломатов, в своё время прошли через "школу Громыко", – напоминает министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, открывающий этот сборник. – Её суть со-

стояла в ориентации на максимально высокий стандарт профессионализма, в творческом подходе к делу, в детальной проработке документов, в тщательной, "эшелонированной" подготовке к встречам и переговорам. Укоренившаяся в МИДе за годы пребывания А.А. Громыко в должности министра привычка к такому серьёзному, "без скидок", труду во многом и сегодня позволяет дипломатическому ведомству сохранять высокий авторитет – как внутри страны, так и среди зарубежных коллег» (I, с. 9).

«...Казавшийся издали недостижимой холодной вершиной Гималаев, при более близком видении был другим – внимательным, спокойным, обладавшим хорошим, но старательно скрываемым чувством юмора», – таким его помнит А.А. Бессмертных (I, с. 37).

Наверное, для многих в несколько неожиданном ракурсе предстаёт политик, хорошо знавший не только своё дипломатическое дело, но и историю, ценивший творчество режиссёров Феллини, Тарковского, композиторов Шостаковича и даже Шнитке, глубоко чувствовавший Достоевского. Об этом пишет в своих воспоминаниях профессор Дипломатической академии МИД России К.М. Долгов. Они могли бы стать основой для киносценария или пьесы. То же самое, несомненно, относится и к воспоминаниям сына министра, который

² Цит. по: Громыко А.А. Во имя торжества ленинской внешней политики. М., «Политиздат», 1978, с. 141.

щедро делится с читателем, можно сказать, «зарисовками с натуры», а то и просто записями бесед со своим знаменитым отцом.

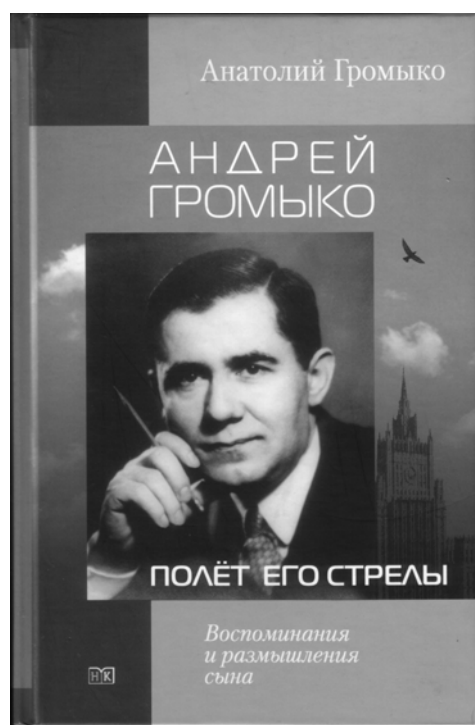
Посол А.С. Зайцев, который четыре года служил «на громыкинских коврах», и другие авторы добавляют немало штрихов к портрету министра, «незаслуженно "засушенному" в ряде появившихся у нас и за рубежом публикаций» (I, с. 124).

Несомненным достоинством обеих книг является то, что этот портрет даётся не только в лестных тонах, но и достаточно реалистично, без утаивания

либо замалчивания имевших место недостатков или, как напоминает бывший министр иностранных дел РФ И.С. Иванов, «неоднозначных, порой трагических решений, которые принимались с участием А.А. Громыко» (I, с. 138).

В этой связи читателю будет интересно познакомиться с приводимым в книге Анатолия Громыко неотправленным письмом его отца (уже бывшего министра) Съезду народных депутатов СССР, которое отражает суждения советского руководства накануне вмешательства в дела Афганистана, учитывавшего, среди прочего, «стремление тогдашнего правительства США дестабилизировать обстановку на южном фланге советской границы и создать угрозу нашей безопасности» (II, с. 317).

Американский фактор становится стержневой темой обеих книг. И это не удивительно. А.А. Громыко по праву

ассоциируется в наших представлениях с двумя взаимодействующими векторами его уникальной дипломатической карьеры: становлением советско-американских отношений и созданием ООН. Теперь можно уверенно констатировать, что без развития этих отношений, особенно в конце Второй мировой войны, не было бы никакой Организации Объединённых Наций – и личный вклад Громыко здесь неоспорим. «Участие в создании ООН – первое крупное дело А.А. Громыко, ставшего послом СССР в США в 1943 г.», – пишет профессор МГИМО А.А. Ахтамзян (I, с. 18). «...Именно на него легла главная ответственность по выработке конкретных формулировок Устава», – подчёркивает профессор Всероссийской академии внешней торговли А.И. Бельчук (I, с. 30). Он специально останавливается на ключевой роли перенесения важнейших и обязательных решений в компетенцию Совета Безопасности, а в Совете Безопасности – утверждение принципа единогласия пяти постоянных членов, т.е. принципа вето, при решении процедурных вопросов. К чему могло привести несоблюдение принципа единогласия, показало решение Совета Безопасности о направлении американских войск в Корею под флагом ООН без участия

представителя СССР. В книге, кстати, отмечается, что «некая загадочность вокруг этого "корейского сюжета", немаловажного в истории внешней политики СССР, остаётся» (I, с. 218).

Вообще, авторы воспоминаний не скупятся на лестные эпитеты в адрес министра: «Андрей Андреевич Громыко – личность неординарная не только в российской, но и мировой политике. Его вполне можно поставить в один ряд с такими выдающимися фигурами мировой дипломатии, как А.М. Горчаков и Шарль Морис Талейран» (I, с. 52).

Думается, А.А. Громыко вряд ли бы понравилось сравнение с Талейраном, личностью несомненно исторической, но беспринципной. Место А.А. Громыко в истории «лишь внешне напоминает "историю дипломатии Талейрана"», замечает Громыко-младший. А.А. Громыко своим дипломатическим искусством защищал, как он считал, «передовой общественный строй – социализм» (II, с. 117). «С начала сознательной жизни я – убеждённый коммунист, преклоняющийся перед могучей силой учения Маркса – Энгельса – Ленина», – говорил он. «Такова была его **вера**», – подчёркивает бывший министр иностранных дел СССР А.А. Бессмертных, уточняя при этом, что в мировой политике Громыко отстаивал прежде всего национальные интересы (I, с. 44).

«Благодаря и ему (А.А. Громыко. – В.С.) молохи идеологически непримиримых цивилизаций не схлестнулись в гибельной агонии» (I, с. 50). По проблемам Ближнего Востока он «придерживался не идеологизированного, а строго аналитического, прагматического подхода, и учил этому своих ближневосточников», – вспоминает посол О.А. Гриневский (I, с. 69). То есть фактор идеологический не превращался в деятельности Громыко в некий геоидеологический императив.

Но зато неизменно присутствовал другой императив – геополитический, выраженный в своё время в ставшем теперь хрестоматийным напутствии руководителю советской делегации перед поездкой в Японию: «Помните, у Советского Союза лишних земель нет» (I, с. 293).

Анатолий Громыко цитирует крупного советского дипломата Г.М. Корниенко: «Нередко спрашивают, был ли Громыко "государственником" или "идеологом"? ...Могу однозначно сказать, что он был государственником в том смысле, что во всей своей деятельности заботился именно об интересах государства. Громыко не был идеологически зашоренным, но он сформировался как государственный деятель в такие времена, когда не мог не остерегаться того, чтобы какие-то его слова или дела могли быть истолкованы превратно, как не соответствующие "установкам партии"» (II, с. 424).

«Те, кто забыл, какой кровью достались советскому народу его позиции в Европе, – негодует сын министра, – ничего не смыслили в балансе сил и стратегическом равновесии. Они их бездарно промотали. Подрывники влияния СССР утверждали – перемены "неизбежны", зачем им противиться? Уверовав в эту робкую "истину", сторонники геополитической капитуляции уже не могли остановиться, они, петляя как зайцы, бежали и сдавали всё, вплоть до самой сверхдержавы, Советского Союза» (I, с. 71). Именно в увязке с негибкими геополитическими убеждениями министра в деле защиты национальных

интересов в книгах раскрывается значение самой известной, особенно за рубежом, характеристики Андрея Громыко – «mister NO» («господин НЕТ»).

Достаточно компетентно разбирался министр в вопросах экономических. И хотя в рассматриваемых книгах этому аспекту уделяется не так много места, авторы напоминают о солидном вкладе А.А. Громыко в исследования экономического развития ведущих стран мира. Широко известны специалистам его работы по международным экономическим отношениям. В 1982 г. вышел фундаментальный труд «Внешняя экспансия капитала: история и современность»³. Работая над своими книгами, Громыко, надо полагать, ещё глубже постигал природу той страны, которая сыграла такую важную роль в его судьбе и карьере.

Но было бы неправильно приписывать Громыко в должности министра излишнюю увлечённость американистикой. Посланник в отставке И.Ф. Максимычев рассказывает о том искреннем восхищении, которое охватило крупнейшего дипломата А.А. Смирнова, когда экономист, американист и знаток ООН, каковым изначально был министр, «сразу же ухватил самую суть германского вопроса» и поддержал предложение Смирнова о придании статуса «вольного города» Западному Берлину (I, с. 198). Этот же автор приводит интересный факт, связанный с позицией А.А. Громыко, ставшего членом Политбюро ЦК КПСС в апреле 1973 г., ему «стало легче доказывать в конкретных случаях бесперспективность расходования и без того ограниченных ресурсов на поддержание "всемирного революционного процесса"» (I, с. 201).

Как министр, Громыко проявил себя блестящим мастером переговоров на различных направлениях советской внешней политики. Но, конечно же, лучше всего, считает посол, доктор исторических наук и бывший главный редактор журнала «Международная жизнь» Б.Д. Пядышев, «Громыко знал американские дела. Этому он научился и узнал что-то глубинное, когда был послом Москвы в Вашингтоне, в многочисленных визитах в США и контактах с американскими деятелями... По подсчётам Громыко, за многие годы ему доводилось встречаться со всеми президентами США, начиная с Ф. Рузвельта» (I, с. 219).

Обе рассматриваемые книги удачно дополняют друг друга. «Особых открытий насчёт отношений с США, впрочем, в публичных выступлениях и написанных Громыко книгах не найти», – замечает Б.Д. Пядышев (там же). В этой связи небезынтересно уже упоминавшееся выше первое соприкосновение с Америкой семьи Громыко ещё до революции 1917 г. В своей книге Анатолий Громыко воспроизводит рассказ отца о прежней жизни: «Пуще всего все боялись бедности, взвешивали свои силы, готовились к зиме, порой наиболее сильные подавались на заработки в Америку и Канаду. Поехал на заработки и мой отец, но поранил себе на лесозаготовках руку и вернулся домой» (II, с. 203). Можно предположить, что в семье Громыко велись разговоры о жизни за океаном.

Однажды Анатолий Громыко записал со слов своего отца следующее: «...ожидать какой-либо каверзы со стороны американцев, со стороны американских переговорщиков можно всегда. Необходимо помнить, что никаких по-

³ Громыко А.А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. М., «Мысль», 1982, 494 с.

дарков ни раньше, ни сейчас Америка нам делать не будет. В конце концов все наши успехи в отношениях с США, странами Западной Европы будут зависеть от нас самих, состояния нашей экономики, темпов её развития» (II, с. 97). Наверное, многие, имевшие дело с Америкой, могли бы подписаться под этими словами.

Впечатляют оригинальные зарисовки образа Громыко как «живого монумента трагической и одновременно великой эпохи победы над германским нацизмом, итальянским фашизмом и японским милитаризмом», как это делает А.А. Бессмертных, подчёркивающий, что многих политических деятелей за рубежом «потрясала одна мысль о том, что он был в одном кругу с Рузвельтом, Сталиным, Трумэном, Черчиллем, де Голлем, общался с ними, вёл переговоры. Участвовал в Ялтинской, Потсдамской конференциях лидеров великих держав. Подписывал Устав ООН. Голосовал за создание Израиля. От его фигуры веяло историей и даже какой-то мистикой, поэтому многие дипломаты и политики испытывали некую робость перед встречей с Громыко» (I, с. 41). Раскрывая тему эффективности дипломатии Громыко, профессор А.И. Бельчук напоминает, что в период создания ООН А.А. Громыко «был ещё весьма молод: ему не исполнилось и сорока лет. И ему пришлось иметь дело с такими "зубрами" большой политики, как государственные секретари США (министры иностранных дел) Стеттинус и Бирнс, сенатор Ванденберг, игравший в международных делах очень важную роль, министр иностранных дел Великобритании Иден, лорд Галифакс, возглавлявший на переговорах в Сан-Франциско британскую делегацию, и др. Обстановка в советском руководстве и порядки, которые там господствовали в то время, были, деликатно выражаясь, "суровыми". За ошибочный шаг можно было потерять не только место, но и голову» (I, с. 31–32).

Бесспорным достоинством рассматриваемых изданий являются откровения, раскрывающие образ А.А. Громыко, и личные суждения авторов, исполненные, надо отметить, на очень хорошем литературном уровне. Это особенно отрадно осознавать, поскольку не так уж часто наша публицистика в последние годы знакомила читателя с творческими возможностями дипломатов-ветеранов, прошедших «школу Громыко». Временами даже создаётся впечатление, что вся предыдущая жизнь авторов была как бы своеобразной подготовкой к юбилею министра, которого некоторые до сих пор не только высоко ценят, но и имеют к нему личные претензии, не возводимые, впрочем, в абсолют. Просто наступили, слава богу, такие времена, когда мудрая толерантность в оценках постепенно становится нормой отношений, избавленных от бытовой склоки, когда речь идёт о вещах судьбоносных для страны-гиганта, надломленного, как оказалось, непосильными перегрузками своей исторической миссии и гонкой вооружений.

«Именно с проблемой разоружения – вооружений, точнее с философией отношений СССР – США в этой сфере, связаны кардинальные просчёты советского руководства, включая, разумеется, министра иностранных дел, – заключает Б.Д. Пядышев. – Эти просчёты, усугубленные другими внешнеполитическими ошибками (здесь речь не идёт о проблемах внутреннего порядка – степень тоталитаризма, неразвитость демократии и т.д.), привели к внутрен-

нему кризису и развалу великой державы. Концентрация порочных подходов накапливала взрывную силу в течение длительного времени при нескольких кремлёвских руководителях, и в конечном счёте произошла детонация, взрыв» (I, с. 228).

Министру, кажется, припомнили всё (или почти всё), включая его трагические так называемые кадровые ошибки – от протектирования дипломата Аркадия Шевченко, оказавшегося перебежчиком, до поддержки кандидатуры М.С. Горбачёва на пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

И тем не менее, все эти и другие претензии не могут, как выясняется, вытеснить или отменить интерес к знаковому политическому XX веку, когда, как отмечает А.И. Бельчук, «среди большей части российских историков и широкой аудитории в последние годы произошла переоценка личности Андрея Андреевича Громыко, его места в советской дипломатии и истории» (I, с. 28).

Американский фактор и связанная с ним проблема вооружений и разоружения представлены в этих двух книгах настолько широко, что другим темам международных отношений почти не остаётся места (в частности, такой важной, как отношения с «третьим миром»). Здесь даже допускаются некоторые дискуссионные оценки, например: «Вряд ли кто-нибудь сможет отрицать, что наша страна сыграла большую роль в формировании Движения неприсоединения, которое стало мощной политической силой, оказавшей влияние на развитие и состояние международных отношений. От биполярной системы, где с одной стороны, США и другие западные страны, а с другой – СССР и социалистические страны, мир по существу перешёл к триполярной системе» (I, с. 300). Думаю, что не все политики и учёные, особенно в странах – основателях Движения неприсоединения (Индия, Египет, Югославия и др.), признают роль СССР в формировании этого движения.

В книге Анатолия Громыко ставится немало «неудобных вопросов» относительно существа внешней политики, проводившейся уже после А.А. Громыко: «Сегодня руководству России не избежать ответа на вопрос, какими методами должна действовать российская дипломатия. Было бы крайне близоруко не учесть уроков жизни, показавшей разницу между "салонной дипломатией" и дипломатией, основанной на "золотых правилах", которые так хорошо понимал и исповедовал в своей государственной деятельности Андрей Громыко. Россия должна собраться с силами, сосредоточиться, подняться над политической трескотнёй, бесконечными спорами, кто прав и кто виноват. В её нынешнем положении логика довольно проста: впереди или закрепление на позициях влиятельной державы, или дальнейшее ослабление её роли в Европе и мире» (II, с. 346).

Разумеется, в книгах, приуроченных к 100-летию выдающегося дипломата, читатель вправе ожидать его суждения относительно роли и места этой «капризной дамы», как он иногда называл дипломатию.

«А дипломатия Андрея Громыко была, несомненно, эффективной с точки зрения результатов, – подчёркивает А.И. Бельчук, – как бы не относиться к целям, которые эта дипломатия преследовала» (I, с. 29). «Дипломатом позитивного действия» называет А.А. Бессмертных министра, который «даже в безнадежных ситуациях искал выход на договорённость, на совмещение хотя

бы отдельных элементов расходящихся позиций. Он понимал, что непродуктивно загонять противника в угол – это может обернуться непредсказуемостью и резким осложнением ситуации» (I, с. 48).

Сын министра замечает: «Не случайно Андрей Громыко считал дипломатию наукой и искусством. Громыко не верил, этому научила его жизнь, в лёгкие и быстрые успехи, устные договорённости на встречах "без галстуков". Он считал, что решения на основе "личного обаяния" обязательно должны оформляться международно-правовыми договорами и соглашениями» (II, с. 422).

Внешнеполитическим выстрелом советской дипломатии в «десятку» стал подписанный А.А. Громыко 5 августа 1963 г. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой.

В 1968 г. советская дипломатия обеспечила подписание Договора о нераспространении ядерного оружия. Он до сих пор является краеугольным камнем международной безопасности и основным стержнем сотрудничества между Россией и США. «После подписания в Сан-Франциско Устава ООН, это была моя вторая по значению подпись под историческим документом», – не без гордости говорил А.А. Громыко (II, с. 85). Третьим крупнейшим своим достижением он считал соглашения, подписанные с США в 1972–1973 гг., особенно Договор об ограничении систем противоракетной обороны, а также Соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений.

Анатолий Громыко также считает, что соглашения по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-1, 1972–1973 гг.; ОСВ-2, 1979 г.) стали крупнейшим успехом как советской, так и американской дипломатии.

Обе книги заслуживают значительно большего цитирования, чем могла бы позволить эта скромная публикация: читатель обнаружит немало интересных фактов и откровений, связанных с личностью Громыко, а также с пользой для себя займётся «повторением пройденного». Он увидит как масштабные свершения эпохи Громыко, так и нерешённые проблемы, которые после неё остались или возникли.

Небезынтересны иллюстрации книги, например, весьма удачная фотография А.А. Громыко с Бернардом Барухом на боксёрском матче Джо Луис против Билли Кона (Нью-Йорк, 1946 г.). «Дипломатический матч» между Громыко и Барухом был не менее драматичным и напряжённым. Правительство Трумэна через своего представителя в Комиссии по атомной энергии Б. Баруха стремилось сохранить за США монополию на ядерное оружие. «Находились политики, которые считали, – вспоминал А.А. Громыко, – что "русский медведь" попал в технологический капкан, созданный на американских секретных заводах, и теперь от него не сможет освободиться. Чтобы сберечь свою шкуру, ему ничего не остаётся, как во всём соглашаться с США. При таком настрое в Белом доме начались мои переговоры с Барухом» (II, с. 112).

Эти воспоминания, которыми А.А. Громыко мог поделиться со своим сыном только через полвека в силу неизбежных секретных ограничений, – одно из захватывающих мест в книге и невольно наводит на мысль о безусловной пользе опыта дипломатических династий, служащих национальным интересам и способных, когда это становится возможным, поделиться этим опытом с по-

следующими поколениями. Без них было бы трудно или вообще невозможно восстановить некоторые уникальные сюжеты истории дипломатии.

У американцев, писал А.А. Громыко, «была разработана очень подробная аргументация, рассчитанная на то, чтобы восстановить общественное мнение против нас» (II, с. 113). Барух представлял сильную в экономическом и военном отношении державу, и советский представитель, по его мнению, обязательно должен уверовать, что с этой силой тягаться бесполезно. Оба правительства, из-за взаимной неуступчивости и недоверия, не смогли использовать возможность «навечно запеленать ядерное чудовище ещё в колыбели» (II, с. 116). Тем не менее, Барух сказал на заключительной встрече: «Мы положили начало переговорному процессу в будущем, надеюсь, не таком уж отдалённом!» (там же). Напомним, что эти переговоры велись уже после того, как были сброшены бомбы на Хиросиму и Нагасаки, когда Сталин, узнав эту новость, сказал Молотову: «Они японцев убивают, а нас запугивают. Опять всё сделали втайне» (II, с. 111).

«Не столь отдалённое будущее», на которое надеялся Барух, наступило только в 1970-х годах, не раньше, напоминал А.А. Громыко. «...Мы уравнили с ними свои стратегические силы и показали, что, образно выражаясь, "можем держать удар" американского соперничества в военной области» (II, с. 93–94).

Критические замечания в адрес США никогда не отменяли одну из стратегических целей Громыко – улучшение советско-американских отношений. Она, по свидетельству его сына, доминировала всегда, но на основе равенства и одинаковой безопасности (II, с. 78).

Ещё одним откровением относительно внешнеполитического мышления А.А. Громыко может стать до сих пор неизвестное, хотя и особо не скрывавшееся, его выступление за рубежом, в котором он постарался изложить своё понимание того, какой должна быть советская внешняя политика после XX съезда КПСС. Речь идёт о выступлении Громыко в Копенгагене 7 апреля 1956 г. перед студентами общества «*Studenten-foreningen*», когда он ещё не был министром. Он обозначил основную опасность, стоящую перед человечеством – «как сохранить мир в условиях, когда великие научные открытия не только привели к увеличению возможности для людей использовать свою силу на благо человечества, но, при определённых обстоятельствах, эти возможности могли бы быть использованы для беспрецедентного массового уничтожения людей» (II, с. 69). И здесь мы обнаруживаем зёрна тех самых идей, которые он широко развивал в своём ставшем теперь знаковым выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1968 г.: «Лучше проводить дискуссии и спорить по проблемам, разделяющим государства, с целью поиска взаимоприемлемых решений, чем решать их с помощью силы... разногласия во мнениях, различные идеологические концепции не должны лишать людей возможности находить совместные решения фундаментальных проблем, сохраняя мир и укрепляя безопасность народов» (там же).

Хотя образ Америки по понятным причинам мог доветь в судьбах и делах семьи дипломатов и учёных Громыко, очевидно, что они остались свободны от неоправданных иллюзий относительно возможных действий США. Анатолий Громыко обращает внимание на уже идущее разрушение Договора о нерас-

пространении ядерного оружия (ДНЯО) и реальную опасность возобновления новой смертоносной гонки вооружений. То есть при оправданном в таких случаях желании достойно отметить 100-летний юбилей признанного авторитета отечественной внешней политики, завершать эту рецензию пока приходится на ноте осторожного оптимизма в надежде, что фундаментальность дипломатии Громыко ещё послужит хорошим примером обеспечения интересов страны при ведении диалога на равных с представителями великих держав, в том числе и США.

Немало лет достойно послуживший своему Отечеству посол СССР в США А.Ф. Добрынин кратко и ёмко писал, что А.А. Громыко, «безусловно, занимает своё, особое место в дипломатической истории, и его наследие заслуживает дальнейшего изучения. Подобный взгляд в прошлое может быть полезен и в поиске подходов к современным проблемам в отношениях с США и Западом в целом» (I, с. 93). Добавим также, что две новые солидные книги воспоминаний об Андрее Андреевиче Громыко, несомненно, составят существенную часть этого наследия.